

Владимир Алексеевич Гиляровский

Фогабал

Владимир Алексеевич Гиляровский

Фогабал

Серия «Друзья и встречи»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172950

Москва и москвичи: Эксмо; М.; 2008

ISBN 978-5-699-11515-0

Аннотация

«Холодно. Побурела трава на опустелом ипподроме. Ни дверей, ни окон у остатков каменных зданий... Прежде отделялось высоким забором от Ходынского поля здание на дворике, где взвешивались на скачках жокеи, и рядом стоял деревянный домик смотрителя круга. Кое-что осталось от садика перед домиком, забор и загородка садика уничтожены, и из окошек домика открывается вид на голое Ходынское поле и Ваганьковское кладбище. В домике живет семья... Голодает, холодает...»

Владимир Гиляровский

Фогабал

Холодно. Побурела трава на опустелом ипподроме. Ни дверей, ни окон у остатков каменных зданий... Прежде отделялось высоким забором от Ходынского поля здание на дво-
рике, где взвешивались на скачках жокеи, и рядом стоял де-
ревянный домик зрителя круга. Кое-что осталось от са-
дика перед домиком, забор и загородка сада уничтожены,
и из окошек домика открывается вид на голое Ходынское
поле и Ваганьковское кладбище. В домике живет семья...
Голодает, холодает. Дрожит ночью, когда идут мимо толпы
бесприютного и бродяжного люда, но как-то ее никто не тро-
гает – должно быть, сразу видно, что взять нечего. Жиль-
цы флигелька вынесли октябрьскую бомбардировку, когда
из Ходынских казарм слали снаряды в Кремль, и на следую-
щий год ночной пожар скаковых трибун рядом с их жильем,
от которых остались эти «железные удавы» – куча изогнутых
от жары рельс и балок.

Сегодня, гуляя по оголенному осеннему парку, я прошел
сюда, на самую середину круга, – и воспоминания роятся
и свертываются в клубок, и яркими гирляндами и живыми
цветочными клумбами рисуются пять этажей трибун, пол-
ных в день дерби летними платьями дам, огромный партер
вдоль всего этого ажурного железного здания, которое ни с

какой постройкой и сравнить нельзя... Ну, а с чем можно сравнить «ирландский банкет» посредине? Это головоломное препятствие, на которое решались скакать только самые отважные спортсмены! Он такой же, как и был. Высокий вал между двух широких канав. Лошадь скачет сначала через одну канаву на гребень вала, а с него уже вторым прыжком берет вторую канаву, за два раза перепрыгивая в ширину более семи метров и всегда теряя около минуты на этом препятствии. Нередко на нем ездоки и кости ломали и лошади калечились.

Еще в те дни, когда существовала деревянная беседка, в день розыгрыша самого почетного приза разыгрывался однажды стипльчезный приз с «ирландским банкетом». На последний записалось трое известных победителей на скачках с препятствиями. Все трое – гвардейские офицеры из Петербурга; четвертым записался совершенно неожиданно совсем молодой офицер, улан, младший брат скаковых коннозаводчиков Евгения и Сергея Ильенко – Иван. Он скакал на лошади, им самим выезженной и тренированной одновременно для скачек и для службы в полку.

Прозвучал звонок к стипльчезу. Со старта выделился ротмистр К. на своем выводном крэке. Взял три зеленых барьера на дорожке и понесся внутрь круга, корпусах в пяти впереди всех, на «банкет»... Трое соперников почти голова в голову скакали вслед за ним. Вот его белый китель мелькнул на мгновение на валу «банкета», чтобы тотчас появиться на

другой стороне второй канавы и легко уйти от конкурентов, которые еще должны были остановиться на вершине вала перед вторым прыжком. И тут произошло нечто поразительное – все это было делом одного момента. В то время когда вороной конь К-на еще только собирался прыгнуть, трое конкурентов уже подлетели. Страшным посылом Ильенко выбросил своего скакуна, и мимо белого кителя на вороном коне мелькнул белый китель на золотисто-рыжем, который не остановился на гребне вала, а птицей перелетел и обе канавы и вал и очутился сразу впереди вороного на пять корпусов, да так и не уступил ни пяди до самого призового столба. В трибунах творилось что-то небывалое: в момент прыжка раздалось тысячеголосое «ах», а затем такие аплодисменты, каких старая беседка еще не слыхивала.

Через много лет так же аплодировали Гагарину, тоже взявшему сразу обе канавы на полукровной англо-донской кобыле Красивой, и Виллебрандсу на английском стиплере Чатартоне. И больше никогда это не повторилось ни у «джентельменов», ни у жокеев, даже англичан, кстати сказать, весьма не любивших «ирландского банкета».

После этой блестящей победы молодой Ильенко сбросил военный мундир и весь отдался скаковому коннозаводству. По зимам он с братьями работал на Харьковском конном заводе, летом занимал должность старшего члена московского общества и сам, как и его братья, тренировал свою призовую конюшню и писал в спортивных журналах статьи в защиту

чистокровной лошади. Он, Иван Михайлович Ильенко, был одним из главных создателей этих единственных в мире многоэтажных скаковых трибун, которые сейчас вот лежат передо мною в виде горы чудовищных удавов, иногда блестящих, иногда матовых, с кое-где проступившими кровавыми пятнами ржавчины...

Я присел на выгнутую, скрюченную пылом пожара рельсу и задумался. Вот вижу сквозь ажурные рельсы человека, выходящего из флигелька. Он, опираясь на палку, устало двигается к развалинам трибун. На нем короткий нагольный полушубок, какие носят в кавалерии конюхи, и защитная фуражка с красной звездой; седая борода гвоздем, седые усики... да это Ильенко?

Да, это Иван Михайлович Ильенко. Это его семья обитает здесь. Он остался верен скаковому кругу: во время немецкой войны он бросил скачки и ушел к своему старому товарищу генералу Брусилову, был с ним в боях до конца кампании, потом вернулся в этот убогий флигелек к семье, а при советском правительстве его снова пригласил Брусилов на работу по коннозаводству, был он полезен государству знанием дела до тех пор, пока, наконец, по болезни не оставил службы персональным пенсионером и не кончил жизни рядом с «ирландским банкетом».

Я вышел на скаковую аллею, вдоль проезда между шоссе к трибунам и почти против маленького домика, где много лет жил секретарь скакового общества Н. П. Лебедев, и здесь

увидал... и опять поразился – уж очень не ко времени было то, что я увидел: передо мной появился человек в длинном черном, еще недавно модном сюртуке с разрезом сзади и в цилиндре!

Все что угодно я мог ожидать, но цилиндр на четвертый год революции, да еще сюртук-редингот! По всему видно было, что человек этот гулял: и по спокойным движениям, и по сложенным назад рукам с тоненькой тросточкой. Легкий ветерок раздувал его огромные светлые усы. Взглянув на них, я сразу узнал его:

– Иван Иванович!

Это был редкостный тип, который мог создаться только в купеческой Москве, только в ее веселящемся кругу мог жить, наслаждаться, кушать самые изысканные блюда, посещать театры, ежедневно слушать хоры в лучших загородных ресторанах и присутствовать на ипподромах, не пропуская ни одного скакового или бегового дня, и при этом никогда он, единственный, не поставил ни одного рубля в тотализатор, потому что никакой игры не любил, – это, во-первых, а во-вторых, никогда почти у него этого рубля и в кармане не было.

А между тем он всегда одевался у лучших столичных портных Сиде и Жоржа, цилиндр носил только от Вандрага и всегда самого последнего фасона. Не признавал он пиджаков и визиток, а неизменно, зимой и летом, был в модном сюртуке, прекрасно сидевшем на его плотной фигуре

с округлым брюшком и являвшемся лучшей рекламой для портного. Поверх этого сюртука – тоже всегда, зимой и летом, – пальто из легкой материи и затем желтые лайковые перчатки. Ни в какой мороз он не застегивался, уши и лицо его, всегда румяные, не признавали мороза – и так он ходил, бывало, в открытом партере зимних бегов, и к нему в антрактах то и дело подходят люди в лисьих шубах, бобровых воротниках и собольих шапках, что-то шепчут, исчезают и вместе возвращаются на свои места, прожевывая закуску и еще более разрумянившиеся. В свою объемистую утробу Иван Иванович мог поместить невероятное количество всяких вин, в состоянии был пить иногда круглые сутки, перепить и уложить в лоск несколько кутящих компаний, а сам, что называется, ни в одном глазу – только лицо становится еще краснее. И таким я видел его десятки лет в Москве, неизменно здоровым и жизнерадостным. Годы от него как-то отскакивали, не оставляя никаких следов, светло-русая голова его по-прежнему была без одного седого волоса, как и огромные выхоленные усы, за которые, да и за всю фигуру вместе звали его Фарлафом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.